

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МИФА О В.Г.БЕЛИНСКОМ

© В.Н.Крылов

Статья посвящена некоторым аспектам формирования мифа о В.Г.Белинском в русской культуре конца XIX – начала XX века. Анализ проведен с привлечением новых материалов журнальной и газетной критики, публицистики, юбилейной беллетристики и учебно-методических дискуссий о В.Г.Белинском.

Ключевые слова: миф, русская критика конца XIX – начала XX века, кризис, В.Г.Белинский.

Как показано в исследованиях по социологии литературы, "к середине и во второй половине XIX в. право репрезентировать национальное целое для письменно образованных и просвещенчески ориентированных слоев в России воплощали не монархия (монарх) и не православие (церковь), а национальная культура, и прежде всего – литература" [1: 320]. Известно, что уже в конце XIX века складывается несколько мифов о русской литературе; формируется пушкинский, гоголевский мифы, особенное значение имеет пушкинский миф, в сущности, на примере Пушкина апробируется механизм создания таких мифов, затем примененный к другим писателям. Как справедливо отмечал американский славист Маркус Левитт, "празднование столетнего юбилея поэта <А.С.Пушкина – К.В.> демонстрирует явное стремление сделать отечественную словесность частью официальной культуры и укрепить традиционную монополию государства на национальную идею, выдвинув требование по достоинству оценить роль литературы в формировании нового российского представления о себе" [2: 24]. Не стал исключением и В.Г.Белинский.

Белинский в истории русской критики – это своего рода культурный герой нового времени (используем выражение Е.М.Мелетинского, перенесенное М.Виролайнен в связи с Пушкиным). Исследовательница отмечает в этой связи: "Принцип истории как чистой, совершенной новости и принцип мифа как вечной универсалии ... оказываются полярно противоположны друг другу... <Но> ретроспективный взгляд на мифологическую реальность обнаруживает в ней особую точку, в которой тенденция мифа и тенденция истории могут пересечься между собой. В этой точке стоит тот, кого современная наука называет *культурным героем*" [3: 334]. Одна из важных черт культурного героя в том, что он "приносит в мир новость – и если эпоха допускает, чтобы новость случилась не однажды, не только в момент первотворения, значит, в ней

есть место мифическому культурному герою, который может появиться даже тогда, когда "первые времена" уже миновали" [3: 334].

На этот статус претендует В.Г.Белинский. Уже во второй половине XIX века он воспринимается как первый русский критик, "Пушкин русской критики". За В.Г.Белинским В.В.Розанов признает "величайшую чуткость к красоте", необыкновенную способность улавливать ее в каждом ее конкретном и индивидуальном проявлении. Потому "каковы бы ни были дальнейшие судьбы нашей критики, как бы ни углублялась она в своем содержании, эта деятельность никогда не будет затемнена или отстранена, но всегда и только – дополнена" [4: 177]. Вот мемуарное признание В.В.Розанова: "Он был друг, великий и прекрасный, наших гимназических дней; у других – студенческих; но вообще – друг поры учения, *самого впечатлительного возраста*, первых убеждений. Со всем этим он неразделимо, кровно сросся. Нет ни одного теперь из образованных русских людей, в крови и мозгу которого не было бы частицы "Белинского", как чего-то пережитого горячо и страстно, благоговейно и восторженно. Да извинит читатель примеры: мне сейчас 55 лет, но хранится у меня, и по временам я взглядываю на нее, тетрадошка гимназиста 3 класса, где я, без буквы "Э", переписал его "Литературные мечтания": слог его, мысли, пафос, этот летучий язык, обернувшийся около стойких предметов и поваливший их, очаровал, обворожил меня, "начинающего читать *серьезно*" мальчика" [5: 501].

В.Г.Белинский, как и А.С.Пушкин, был не "человеком образа", а "человеком пути", поэтому его миф складывался как результат пути. Отсюда, при столь короткой деятельности, как и у А.С.Пушкина, столь разнообразны этапы его пути и противоречивы оценки смысла его деятельности. В нем оказывается нечто, не поддающееся однозначным формулам. Кто он – бескомпромиссный революционер-демократ, "неистовый Виссарион", прошедший эволюцию от гегелев-

ского идеализма и примирения с "разумной действительностью" до отрицания "гнусной действительности"? Как он относился к либералам, славянофилам, к крестьянству? В.Г.Белинского называют основателем профессиональной критики (при ближайшем рассмотрении, правда, оказывается, что история русской критики началась задолго до В.Г.Белинского, и профессиональная критика, если быть точным, складывается раньше). Другим важным признаком "культурного героя" становится требование, чтобы "принесенная им новость должна остаться в мире как норма [2: 335]. В русской литературе эту возможность реализовал А.С.Пушкин, а применительно к критике – именно В.Г.Белинский.

Наследие В.Г.Белинского на протяжении всей второй половины XIX века было постоянным предметом острых споров, идейно-эстетической борьбы, возбуждая и восхищение, и раздражение, и противостояние сторон. Как отмечал А.В.Дружинин в отклике на появление Сочинений В.Г.Белинского в 1859 году, "уже никому не навязывается обожание каждой мысли Белинского, уже честных литераторов не зовут ренегатами за малейшее уклонение от прежних его приговоров, уже всякий может во многом расходиться с идеями последних годов Белинского и все-таки горячо сочувствовать всей его деятельности" [6: 462].

Так или иначе, но в широком литературном сознании уже с 1860-х годов В.Г.Белинский становится символической фигурой, поскольку он не просто создал глубокие работы о русской литературе, но и сформировал устойчивую модель отношений между писательским творчеством и публикой. В этой модели фигура критика становится ключевой, определяющей восприятие публикой художественного явления. Для некоторых имя Белинского метонимически заменяло саму русскую критику. Привнесенное Белинским в русскую критику осознается как *норма*.

Уже в 50-70-е годы XIX века в выступлениях о В.Г.Белинском складываются два стереотипа: с одной стороны, убеждение в том, что по природным способностям и нравственному воздействию на читателя он превосходил новое поколение критиков; с другой – признавая "грехи" критика, писавшие о нем одновременно, говорили о его невиновности в них, так как историческая эпоха не дала развернуться его интеллекту [7: 21-22]. Эти тенденции усилились и получили новое развитие в эпоху серебряного века, на которую, как мы полагаем, и приходится первая попытка расширенной мифологизации его идей и личности представителями различных слоев публики.

Для эпохи серебряного века характерен взлет критического творчества и острейшие споры о критике вообще (а многие постсоветские выступления "против" Белинского выглядят бледными копиями конца XIX – начала XX века). В аспекте восприятия классического литературного наследия серебряный век русской культуры уникален. В это время по-новому были прочитаны не только писатели, но и критики, было восстановлено значение таких фигур русской критики, как А.Дружинин, А.Григорьев, В.Майков, Н.Страхов.

В конце 80-х – начале 90-х годов появляются первые опыты истории русской критики – работы И.И.Иванова, В.В.Чуйко, В.Чешихина, А.Волынского. В.Г.Белинскому отводится центральное место в дискуссиях начала века о судьбах русской критики (А.Л.Волынский, В.В.Розанов, Ю.И.Айхенвальд). Сами представления о тенденциях, движущих силах русской критики, соотносятся с В.Г.Белинским.

Для уяснения особенностей восприятия В.Г.Белинского в данную эпоху необходимо учесть контекст: к концу XIX века была написана первая документальная биография В.Г.Белинского (труд А.Н.Пыпина "Белинский, его жизнь и переписка" в 2-х томах¹), воспоминания о нем, переписка, первые историко-литературные исследования², изданы Сочинения в 4-х томах (1896), появились первые массовые издания его сочинений [9].

Книжный рынок наполнялся дешевыми изданиями, призванными популяризировать его имя. Историк Б.Глинский писал: "...эти томики "дешевой библиотеки" как бы выполняют отчасти желание поэта, высказанное в стихах: Эх, эх. Придет ли времечко, / Когда (приди желанное!..), / ... мужик не Блюхера / И не Милорда глупого – / Белинского и Гоголя / С базара понесет? [10: 63].

При этом показательно, что в конце 1890-х годов творчество В.Г.Белинского оставалось вне гимназических курсов, хотя еще в 1860-е годы

¹ Многие потом опирались именно на этот труд, написанный с позиций либерального просветителя-позитивиста. Г.В.Плеханов признавался, что в серии статей о В.Г.Белинском заимствовал "большинство данных, относящихся к истории умственного развития Белинского" [8: 26]. Им также пользовался Д.С.Мережковский (см. Мережковский Д.С. Автограф выписок к статье "Завет Белинского". ИРЛИ, 24.232).

² Так, в статьях В.Розанова, Н.Бердяева, Е.Колтоновской развивали идею "великого сердца", выдвинутую впервые С.А.Венгеровым в "Очерках по истории русской литературы" (впервые: Рус. богатство. – 1898. – №3. – С.151-185; №4. – С.125-160; №5. – С.204-227).

были попытки включения в учебные программы его критических работ. Вместе с тем степень известности В.Г.Белинского в среде юношества была велика. Известны слова И.С.Аксакова в частном письме: "Много я ездил по России: имя Белинского известно каждому сколько-нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни. Нет ни одного учителя гимназии в губернских городах, которые бы не знали наизусть письма Белинского к Гоголю... И если вам нужно честного человека, способного сострадать болезням и несчастьям угнетенных, честного доктора, честного следователя, который полез бы на борьбу, – ищите таковых в провинции между последователями Белинского" [11: 213].

Для полной реконструкции картины восприятия В.Г.Белинского на рубеже XIX-XX веков мы обращаемся к воспоминаниям, выступлениям о нем. Замечательно, что некоторые юбилейные сборники содержат такой редкий источник, как тексты *сочинений* учащихся. Так, в связи с гоголевскими торжествами 1909 года произносились юбилейные речи, проводились конкурсы на лучшие сочинения в гимназиях, кадетских корпусах. Как, например, в Симбирске, где учащиеся кадетского корпуса выступали с сочинениями (этой чести были удостоены лучшие). Сочинение-речь "Гоголь как писатель-реалист", прочитанное кадетом 7 класса Кастрицыным, содержит большой "кусочек" о "Старосветских помещиках": "Возьмите его "Старосветских помещиков". Здесь не более, как две пародии на человеческое существо; забота их жизни, это – забота о пище. Но как сама по себе ни ничтожна картина повседневной жизни этой мирной четы, как ни отталкивает нас пошлостью и уродливостью своей животной жизни, мы невольно чувствуем симпатию к этим людям..." [12: 9].

Трудно не узнать в этом рассуждении почти буквальное воспроизведение известной статьи В.Г.Белинского "О русской повести и повестях г.Гоголя": "Но почему? Да потому, что Гоголь, со свойственной всем великим писателям пронизательностью, подметил человеческую черту в жизни старосветских помещиков: их взаимная любовь и привязанность основана на привычке..." (из сочинения кадета)³. Чтобы показать, как постепенно происходило внедрение сочинений В.Г.Белинского в школьные курсы, мы обращаемся к таким специфическим (официаль-

ным) источникам, как "Сборники постановлений и распоряжений по Министерству Народного просвещения", "Списки книг, разрешенных Министерством Народного просвещения".

Изучение официальной и методической литературы рубежа XIX-XX веков позволяет выдвинуть *гипотезу* о том, что уже в этот период делаются попытки *использования* русской критики в воспитательных целях. В предисловии к 3-му (1899) и 4-му (1902) изданиям "Пособия для литературных бесед и письменных работ" Ц.П.Балталон писал: "...особое внимание, связанное с чествованием памяти В.Г.Белинского, было обращено в эти последние годы на высокое *воспитательное значение литературной критики как для всего общества, так и для юношества*, при изучении истории литературы. Сознание важности литературной критики выразилось, между прочим, и в том, что министерство народного просвещения признало образовательную пользу и значение критических статей Белинского, как материала для чтения учеников средней школы" [14: VII] <курсив наш – К.В.>.

Однако этот процесс наталкивался на препятствия, и после юбилея 1898 года В.Г.Белинский остался для школы полузапрещенным писателем. С.Ашевский в статье "Реформа средней школы и Белинский" писал: "Тщетно один из выдающихся русских педагогов накануне чествования памяти Белинского убеждал "перестать бояться этого идеалиста из идеалистов и, признав все огромное его воспитательное и образовательное значение, открыто признать его надежнейшим и благонамереннейшим руководителем нашей учащейся молодежи", по-видимому, одержало верх мнение педагогов и литературных критиков из "Московских ведомостей", где неустрашимо было заявлено, что Белинский "решительно не годится в руководители юношества", потому что "у него не было определенного, строго-выработанного мировоззрения" [15: 14]. Но уже в 1915 году В.Голубков утверждал: "По установившейся школьной практике, знакомство с некоторыми критическими статьями, например, со статьями Белинского, Добролюбова, считается обязательным". Как писал И.Волгин, "Белинский как никто другой подходил на роль толкователя. Он стал Аристотелем средней школы" [16: 143].

Наибольший всплеск критических выступлений приходится на конец 1890-х годов и 1910-е годы (в связи с двумя юбилейными датами – 50-летием со дня смерти и 100-летием со дня рождения). Вышли в свет специальные сборники "Памяти В.Г.Белинского". Первый юбилей Белинского 1898 года, инициатором празднования которого стала Пенза, по культурному значению

³ Ср.: "Отчего это? Оттого, что это очень просто и, следовательно, очень верно, оттого, что автор нашел поэзию и в этой пошлой и нелепой жизни нашел человеческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героев: это чувство – привычка" [13: 147].

сравнивали с открытием в Москве в 1880 году памятника Пушкину, отмечая редкое единодушные авторов юбилейных статей в оценке личности и исторического значения литературной деятельности Белинского. Обозреватели подчеркивали, что в чествовании критика не было ничего фальшивого, заказного, официозного. Современники отмечали особенный характер события: "Еще совсем недавно такое признание было бы крайне затруднительно" [17: XLVI]. Поскольку юбилей был приурочен к 50-й годовщине его смерти, то во многих храмах были отслужены панихиды по В.Г.Белинскому. Панихиды широко совершались и в год 100-летнего юбилея. В сообщении из газеты "Уральский край" от 1 июня 1911 года говорилось: "30 мая в час дня в помещении библиотеки им.В.Г.Белинского по случаю столетия со дня рождения В.Г.Белинского была совершена панихида, пред началом которой о. Феодор Коровин произнес соответствующую случаю речь. Отметив цель, для которой присутствующие собрались почтить память великого писателя гражданина, – о. Коровин дал высокую оценку сочинениям В.Белинского: как в Евангелии мы находим ответ на все запросы нашей души, так на сочинениях В.Г.Белинского находим отклики на все запросы нашего интеллекта" (еще совсем недавно, так сказать, было невозможно!).

Юбилейные торжества принесли и поток многочисленной так называемой стихотворной беллетристики о В.Г.Белинском, подобно тому как, например, появилась массовая однодневная лирика о А.С.Пушкине в периодике 1880-1890-х годов. Массовая лирика, по словам О.С.Муравевой, "дает срез наиболее расхожих штампов и представлений: она скользит по поверхности, но и вбирает все то, что на поверхности задерживается" [18: 119]. В этом срезе штампов наиболее ярко выступает социальная функция мифа (как известно, для Р.Барта важнейшей функцией современных мифов является функция социального сплочения, мистифицированного консенсуса, образуемого расхожими представлениями).

Чествование В.Г.Белинского в 1898 году демократической печатью расценивалось как "праздник русской интеллигенции", "праздник всероссийского просвещения и прогресса", как первая попытка "громкого общественного признания перед русской землей со стороны незабвенного критика", а В.Г.Белинский характеризовался как "один из самых безупречных борцов за гуманность и просвещение" (из текстов приветственных телеграмм, отправленных в Пензу), "литератор-борец за идеалы лучшего будущего". Несмотря даже на то, что не все из задуманного было реализовано, в отчетах подчеркивалось:

"еще недавно имя Белинского было запретным, как еще и поныне некоторые морщатся и чуть ли не негодуют при воспоминании об одном только просветительном и освободительном значении деятельности нашего критика" [10: 79].

Стихотворения читались на юбилейных вечерах, публиковались в столичных и провинциальных газетах. Больше всего в этих стихах обращений к В.Г.Белинскому как к "борцу", "истинному герою", "учителю поколений". Жизнь и искания Белинского интерпретированы как борьба за просвещение и свободу русского народа: "Ты не дождался дней счастливых / И для бездомных, сиротливых / Настал желанный светлый миг... / Борясь за них, за них страдая, / В любви к страдальцам ты сгорел... / Но утро встало, и, пылая, / Рассвет свободы их согрел. / Пылает утро...И, заветы, / Твои, учитель наш, храня, / Великой верой мы согреты / При блеске утра в близость дня!" (Вл.Ладыженский, сб. "Памяти Белинского") [17: 190].

Особенно часто в стихах, написанных в духе поздненароднической риторики, образ В.Г.Белинского противопоставлен "хмурой" современности: "В наши дни обнищанья великих идей, / Торжества меркантильных страстишек, / В дни господства ничтожных, но ловких людей, / В дни успеха их темных делишек, – / С безграничной мощью пред нами встает / Образ прошлого впрямь исполинский / И нас вновь к идеалам и правде зовет: / Этот образ – великий Белинский... / Нам нужны идеалы. Бессмертный наш дух / И томится без них и страдает. / Посмотрите, как в нас пламень жизни потух. / Что же в будущем нас ожидает?" (А.Кремлев, "Биржевые ведомости", 1898 г., 28 мая, №143). Его критический талант воспринят как непревзойденный: "Он был всегда правдив; бездарность не щадил; / Но сколько было в нем восторженного чувства, / Когда он в ком-нибудь дар Божий находил: / Никто так не ценил искусства!" (А.Лукьянов, сб. "Памяти Белинского") [17: 278]. "Его душа была согрета / Священным пламенем поэта, / Глубоким чувством красоты... / Он вдохновенными речами / Раскрыл пред нашими очами / Родной поэзии цветы... / Умолкли вещие Баяны, / Ушли из мира зла и слез. / К певцу задумчивой Татьяны, / Туда, в надзвездные туманы, / Рок и его жреца унес... / Их души встретились в эфире, / Как две бессмертные мечты, / Они слились в далеком мире / И засияли с высоты / Огнем нетленной красоты" (Lolo. Страничка из дневника, г."Новости дня", 1898 г., №5382).

Газета "Биржевые ведомости" в своем юбилейном номере от 26 мая 1898 г. поместила фантастический рассказ М.Полтавского "В белую

ночь" о появлении В.Г.Белинского в юбилейный год. Дух В.Г.Белинского появляется в майскую белую ночь в Петербурге, чтобы "посмотреть на успехи родной литературы", увидеть, как хранятся его заветы. Вот что он говорит: "Вспомните, как относились ко мне после моей смерти? Кто читал меня? Кто видел написанные мной книги? Кто произнес сочувственное слово на моей могиле? Даже имя мое нельзя было произносить, имя человека, ничего не требовавшего от жизни, кроме счастья ближних! Миновало это время! Как много переменилось с тех пор! Где Гоголь, Крылов, Лермонтов? Где Булгарин, Греч, Сенковский, Полевой? Их нет... Теперь, через пятьдесят лет, после моей смерти, есть ли у нас литература?" [19].

Интересно, что и в полемике того времени, относящихся к состоянию критики, определяемому как безрадостное, постоянно возникало имя В.Г.Белинского. Еще В.Чуйко констатировал, что "русская критика понизилась и измельчала, она не отвечает более своему назначению, свернула с пути, указанному ей Белинским" [20: 206]. Е.Колтоновская в статье "Критик-идеалист" выразила эту мысль так: "Критиков у нас много, в роли критиков выступают чуть ли не все владеющие пером. И поэтому критики нет... Нет критики, пользующейся влиянием и авторитетом. В наше переходное время трудно и представить ту высоту, ту степень влияния, каким он пользовался и среди читателей и среди авторов художественных произведений" [21: 109]. Эта же мысль встречается в статье З.Гиппиус "Разочарования и предчувствия": "Я не поклонник старых времен; не вздыхаю о кончине Белинского, Писарева и Добролюбова и не желал бы их воскресения. Однако думаю, что "кто-то", на них похожий, но способный на равное с ними влияние, должен сидеть на пустом литературном стуле" [22: 369]. В статье "Журнальная беллетристика" З.Гиппиус, говоря о слабости литературной критики, опять вспоминает Белинского: "Может быть, не оттого нет Белинских, что нет Гоголя, а наоборот. Критика не создает, конечно, писателей, но она часто им помогает" [22: 455]. Те же мысли неоднократно звучали и в статьях К.Чуковского. Имя В.Г.Белинского стало использоваться в сатире начала XX века для нарицательного обозначения тех критиков, кто пытался брать на себя роль профессионального критика, но не соответствовал этой роли. Таким образом, продолжалась тенденция, проявившаяся уже во второй половине XIX века и состоящая в убеждении, что новое поколение критиков не может *так* воздействовать на читателей, как В.Г.Белинский.

Даже модернисты начала XX века в целом были солидарны с этой точкой зрения. С гимназических лет будущие поэты-символисты были приобщены к "памяти" русской критики, ставшей весомой составной частью их культурного опыта⁴. В книге "Как я стал символистом и почему не перестал им быть на всех фазах моего идейного и художественного развития" А.Белый писал: "С 1897 года начинается эпоха моего бурного литературного самоопределения ... в мою лабораторию сознания одновременно вливаются: Белинский и Рескин, символисты и "Фритьоф" Тэгнера, Ибсен и Достоевский, Беклин и Врубель, Григ и Вагнер..." [24: 455]. Это высказывание нужно расценивать как весьма характерное для символистов. Речь идет о причудливом сочетании национальных и западноевропейских критических традиций.

Д.С.Мережковский в В.Г.Белинском ценил критика-художника. Поэтому он назван в ряду лучших образцов "субъективно-художественной" критики вместе с Ап.Григорьевым, Н.Н.Страховым, А.С.Пушкиным, И.С.Тургеневым, И.А.Гончаровым, Ф.М.Достоевским. Вся же остальная критика, по логике Д.С.Мережковского, "противохудожественная" и "противонаучная" [25: 458]. В.Г.Белинский воспринимается как основатель принципов *художественной* критики. Поэтому его имя используется как аргумент в борьбе с критикой публицистической. При этом критика В.Г.Белинского не рассматривается в ее связях с публицистическими традициями 1860-70-х годов, а, скорее, изолируется от них.

Тот же аспект в В.Г.Белинском будут выделять К.Бальмонт и И.Анненский. К. Бальмонт в обзоре русской литературы 1900 года для английского журнала "Athenaeum", откликаясь на выход Полного собрания сочинений В.Г.Белинского в 12 томах под редакцией С.А.Венгерова, подчеркнет: "Художник и вместе с тем критик, он является лучшим (и действительно единственно хорошим) русским критиком, поскольку его последователи не сумели усвоить ни одного из его достоинств" [26: 65].

Размышляя о роли критики в понимании произведения и в судьбе писателя, М.Волошин приводил в пример именно В.Г.Белинского: ""Да

⁴ Ф.Сологуб утверждал, что к четырнадцати годам прочитал полное собрание сочинений Белинского [23: 23]. В гимназическом сочинении А.Белого, написанном в год 100-летней годовщины Пушкина, есть следы явного влияния концепции В.Г.Белинского, изложенной в "Сочинениях Александра Пушкина". Следование концепции В.Г.Белинского проявляется и в плане, и в тексте гимназического сочинения (РГАЛИ, ф.53, оп.6, ед.хр.6).

понимаете ли Вы сами, что Вы написали?" – кричал Белинский молодому Достоевскому, прочтя рукопись "Бедных людей". И Белинский был прав: он понимал в "Бедных людях" то, что не понимал еще в них автор. Белинский уже провидел в них "Достоевского", а сам Достоевский еще ничего не знал о том, что ему суждено" [27: 267-268].

Традиция В.Г.Белинского была особенно актуальной для Д.С.Мережковского. В книге "Гоголь и черт" в связи с рассмотрением "Выбранных мест из переписки с друзьями" возникает имя В.Г.Белинского. Несмотря на "первобытное полуазиатское варварство тогдашней русской полемики", у Д.С.Мережковского звучит "оправдание" Белинского. В "Письме к Гоголю" В.Г.Белинского Д.С.Мережковский видит "какую-то страшную человеческую правду, искренность", которую Н.В.Гоголь, "кажется", "смутно и болезненно почувствовал" [28: 269] "Защита" В.Г.Белинского от Ф.М.Достоевского есть и в "Грядущем Хаме". В публичной лекции "Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции" (1915) Д.С.Мережковский, пытаясь поставить В.Г.Белинского в круг предшественников религиозных мыслителей начала XX века, видит в его художественных "промахах" "христианское "умерщвление плоти", монашество" [29: 19].

Важнейшей мифологической составляющей образа В.Г.Белинского, усиленной в юбилейные годы, становится восприятие его как жертвы николаевской эпохи, "страстотерпца русской литературы". Приведем в этой связи любопытное наблюдение из переписки В.В.Розанова и известного педагога С.А.Рачинского. В.В.Розанов рассказывает, как он в одном семействе, просматривая книги подростков, натолкнулся на издание сочинений В.Г.Белинского в издании Павленкова; гимназист говорил при этом: "Это у нас <гимназистов – В.К.> – настольная книга; больше нечем руководствоваться в старших классах при писании сочинений: учитель рекомендует, да и без учителя мы знаем, что Белинский в разное время дал критическую оценку всех фазисов русской литературы". В.В.Розанов обратил внимание на то, что к этому изданию приложена гравюра с известной картины – "Умиравший Белинский", на которой изображен умирающий Белинский, испуганно оглядывающийся на дверь. Среди комнаты – жена умирающего, с девочкой – 4-5 лет (дочь); перед кроватью сидят Некрасов и Панаев, в задумчивых позах; в заднем угле – шкаф с книгами, и на нем бюст Пушкина; в отворенную дверь полупоказывается жандарм" [30: 550-551]. И вот комментарий В.В.Розанова: "Теперь, мой

дорогой, слушайте, как сплетается история. Что дурак жандармский офицер послал солдата-жандарма к критику – конечно, правительство Николая I не ответственно, еще менее ответвенна Россия ... Это очевидно Вам и мне, но во все не очевидно впечатлительному мальчику 17 лет; он видит только, что "правительство" к лежащему на смертном одре человеку "лезет" с "тесаком" и "шпорами" <...> Самая жгучая, самая идеалистическая, самая основательная до известной степени и вместе горько ошибочная ненависть и презрение к отечеству загорится в лучших сердцах. Вот что они делают, я говорю о всей нашей "правительственной" партии, об этих редакторах-официозах, наживающих 1/2 миллиона через 5-10 лет аренды; о Мин Нар. просв., высчитывающем, как бы в Харькове протоиерей не получил годом раньше пенсии, чем следует..." [30: 551].

Попыткой демифологизации В.Г.Белинского (но неудачной) нужно признать выступление Ю.Айхенвальда (силуэт 1913 года, где В.Г.Белинский представлен как человек без сердцевины, хронически меняющий убеждения, вечный умственный недоросль, Пер Гюнт русской критики), построенное на произвольных суждениях, что вызвало в литературных кругах дружный отпор. Историк русской литературы П.Н.Сакулин по этому поводу заметил: "Белинский – не миф, не легенда, а подлинный и огромный факт русской действительности. Его тень витает не только в классах нашей школы, над тетрадами ученических сочинений: он не только "патрон учителей русской словесности": его дух реет над всей русской литературой, он – патрон всей русской интеллигенции. Его место давно уже определено нелюбимым судом истории: его имя – свято. Давно уже Белинский находится за чертой досягаемости..." [31]. Это суждение чрезвычайно характерно для серебряного века.

Споры о В.Г.Белинском в конце XIX – начале XX века были продолжением дискуссий, мнений, высказанных во второй половине XIX века Ф.М.Достоевским, Н.Н.Страховым, Ап.Григорьевым, Ю.Н.Говорухой-Отроком. Вместе с тем восприятие В.Г.Белинского в эпоху серебряного века оказывается тесно связанным с острыми спорами о задачах и судьбах русской критики. Несмотря на высокий уровень новой критики, в дискуссиях постоянно звучит мотив кризисного состояния. Для тех, кто стоял за единство эстетических и публицистических начал, за важность нравственной позиции критика, наследие В.Г.Белинского представало как недостижимый образец, невозможный в современную эпоху. Образ В.Г.Белинского возвышался и в выступлениях

против засилья массовой, фельетонной ("городской") критики. Для тех же, кто отстаивал сциентистскую природу критики, В.Г.Белинский считался устаревшим отражением раннего этапа русской критики, другом "поры учения", гимназических, студенческих дней (В.В.Розанов).

Однако именно на рубеже XIX-XX веков стал ощутим своеобразный универсум В.Г.Белинского в совмещении эстетического и публицистического подхода к литературе. Общность в подходе к В.Г.Белинскому состояла в признании непревзойденного влияния его на публику, "волнующего и возбуждательного значения" (В.В.Розанов) и острого осознания, что в современную эпоху критик уже не может стать таким "властителем дум". Вместе с тем именно серебряный век стал временем официального признания В.Г.Белинского. На него наводится хрестоматийный глянец, он входит в школьные программы. Освоение наследия В.Г.Белинского сопровождалось и искажением его сути, когда отдельные факты выдавались за целое, высказывания критика вырывались из контекста (как, собственно, часто и создаются литературоведческие мифы).

Впоследствии мифологизация серебряного века сменилась вульгарно-классовым мифом о В.Г.Белинском. И если А.С.Пушкину было суждено стать непримиримым врагом самодержавия, то В.Г.Белинского в советское время стали воспринимать не столько как талантливого литературного критика, сколько как революционно-демократического идеолога и пропагандиста.

*****

1. *Дубин Б.* Слово – письмо – литература. – М.: НЛЮ, 2001. – 416 с.
2. *Левитт М.* Пушкин в 1899 году // Современное американское пушкиноведение. – СПб.: Академич. проект, 1999. – С.21-41.
3. *Виралайнен М.Н.* Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине. – СПб.: Академич. проект, 1999. – С.329-349.
4. *Розанов В.В.* Мысли о литературе. – М.: Современник, 1989. – 607 с.
5. *Розанов В.В.* О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1995. – 734 с.
6. *Дружинин А.В.* Прекрасное и вечное. – М.: Современник, 1988. – 488 с.
7. *Тихонова Е.Ю.* Русские мыслители о В.Г.Белинском (вторая половина XIX – первая половина XX в.). – М.: Совпадение, 2009. – 327 с.
8. *Плеханов Г.В.* Эстетика и социология искусства: в 2-х т. – М.: Искусство, 1978. – Т.2. – 439 с.
9. Виссарион Григорьевич Белинский об А.С.Пушкине: сб. ст. – М.: И.Д.Сытин, 1899. – 295 с.
10. *Глинский Б. В.Г.* Белинский и чествование его памяти. – СПб., 1898. – 216 с.
11. *Роткович Я.А.* Очерки по истории преподавания литературы в русской школе: тр. ин-та методов обучения АПН РСФСР. – М.: АПН РСФСР, 1953. – 352 с.
12. Празднование столетия со дня рождения Н.В.Гоголя в Симбирском кадетском корпусе 20 марта 1909 г. – Симбирск, 1909. – 33 с.
13. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу. – М.: Современник, 1988. – 653 с.
14. *Балталон Ц.П.* Пособие для литературных бесед и письменных работ. – М.: Издание кн-ва "Сотрудник школ" А.К.Залесской, 1914. – 230 с.
15. *Ашевский С.* Реформа средней школы и Белинский // Образование. – 1900. – №7-8. – С.13-21.
16. Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере: сб. матер. Междунар. научно-практич. конф. – М.: Моск. гос. ун-т, 2011. – 560 с.
17. Памяти Белинского. Литературный сборник, состоящий из трудов русских литераторов. – М., 1899. – 568 с.
18. *Муравьева О.С.* Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы О Пушкине: сб. статей. – СПб.: Академич. проект, 1999. – С.113-133.
19. *Полтавский М.* В белую ночь // Биржевые ведомости. – 1898. – 26 мая (7 июня). – №141.
20. *Чуйко В.В.* Очерки развития русской критики // Наблюдатель. – 1887. – №10. – С.188-209.
21. *Колтоновская Е.А.* Критические этюды. – СПб., 1912. – 292 с.
22. *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. – М.: Рус. кн., 2003. – Т.7. – 528 с.
23. *Павлова М.* Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К.Тетерников. – М.: НЛЮ, 2007. – 512 с.
24. *Белый А.* Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
25. *Мережковский Д.С.* Эстетика и критика: в 2-х т. – М.; Харьков: Искусство; СП "Фолио", 1994. – Т.1. – 672 с.
26. *Бальмонт К.Д.* О русской литературе. – М.: Алгоритм, 2007. – 432 с.
27. *Волошин М.А.* Собр. соч. – М.: Эллис Лак, 2008. – Т.6. – Кн.2. – 1068 с.
28. *Мережковский Д.С.* В тихом омуте. – М.: Сов. пис., 1991. – 496 с.
29. *Мережковский Д.С.* Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции. – Пг.: кн-во "Прометей", 1915. – 43 с.
30. *Розанов В.В.* Собр. соч. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – Кн.2: Литературные изгнанники. – 957 с.
31. *Сакулин П.Н.* Белинский – миф // Русские ведомости. – 1913. – №228.

FROM THE HISTORY OF FORMATION OF THE MYTH ABOUT V.G.BELINSKY

V.N.Krylov

The article is devoted the some aspects of formation of the myth about Belinsky in Russian culture in the end of the 19th – the beginning of the 20th century. The author analyzes the myth on the bases of new materials of journal and newspaper criticism, publicist works, anniversary articles and methodical discussions about Belinsky.

Key words: myth, Russian criticism of the end of the 19th – the beginning of the 20th century, crisis, V.G.Belinsky.

* * * * *

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: krylov77@list.ru

Поступила в редакцию 17.05.2011